

ДИСКУРС ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРУГУ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК СЛАВЯН

Кроссдисциплинарный феномен денег, отражающий традиционный философский взгляд на явление, единственное в своём роде и познаваемое на основе опыта (согласно утверждениям Платона, Аристотеля, Г. Зиммеля, Ш. де Монтескье, А. Смита, Дж. Локка, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, С. Ориховского, М. П. Баскина и др.), и сегодня ставится в ряд холистичных сущностей, влияющих на взаимозависимость стран в результате глобальных международных договоров с капиталом (Н. Н. Борисевич, Л. П. Булыгина, Т. С. Силюк, Н. И. Сухонос, В. В. Якимцова, С. Я. Левит, А. А. Мазараки, В. В. Ильин, З. Э. Скрынник, А. А. Шептун) и представленных, соответственно, в различных дискурсивных формах современного коммуникативного пространства, в том числе на славянской языковой почве.

Вербализированный феномен денег наиболее последовательно манифестирован экономическим дискурсом, отражающим специализированный язык экономики, язык профессии и, в целом, научную картину мира славян (В. Е. Чернявская, М. А. Ларионова, А. В. Михайлова, М. В. Садовская, Р. Е. Пилипенко, Т. А. Колесникова, М. С. Менчук, И. И. Масликова, В. В. Гончаров, А. Е. Бродецкий, Е. А. Лут, Л. М. Кондратик и др.). В соответствии с известной социолингвистической классификацией типов дискурса В. И. Карасика [3, с. 5], дискурс денежных взаимоотношений как составляющая экономического дискурса может соответствовать как институциональному, статусно-ориентированному дискурсу, пополняя ряд таких типов, как политический дискурс, дипломатический, геральдический, военный, деловой, рекламный, спортивный и т. д., так и персональному, индивидуально-ориентированному дискурсу, представляющему особую сферу коммуникации, которую определяют общественные (межгрупповые) и личные (межлические) отношения, в том числе демонстрирующие семейное и индивидуальное восприятие монетарного поведения, денежной культуры в целом как составляющей наивной картины мира.

В рамках описания семейного дискурса могут анализироваться лексико-семантические особенности языковой личности «коммуникативного лидера, стержня семьи – матери», воспринявшей украинскую, русскую, польскую и еврейскую языковую специфику поведения [1]. Среди дискурсивных форм авторами приводятся номинации для обозначения тайных мест хранения денег, составляющих некий стереотип поведения человека определённого возраста и воспитанного в определённых экономических условиях (укр. *слоїк* – рус. *банка, чулок, носок, картина на стіні, книжка, під матрацом*); синонимичные морфологические неологизмы негативного характера человека, жадного до денег, невоспитанного, неприятного в общении, что соответствует ценностным ориентирам

нежадного отношения к жизни в славянской культуре (*жмудь, струць, хрунь, фріц майорський*, например, в высказываниях *Цей Роман Ляшков видно хрунь ше той: Галка вічно скаржиться, шо не дає грошей ні на шо; Цей фріц майорський знову обманув Стасіка*); синонимические обозначения постоянного, необратимого процесса траты денег (*розпустити, транжирити гроші, влізти в гроші*, например, в высказываниях матери Болеславы *Я на базюрі розпустила всі гроші; Віта, не транжир гроші у Львові, вони мені важко даються!*; *Прийшлося влізти в гроші, які відклала на свинку*); фразеологические конструкции окказионального или народного юмористического характера, позволяющего легко, весело и добродушно, но с долей иронии оценивать нестабильное экономическое состояние (*Пусто два – об отсутствии денег, например, В мене часто в габзі пусто два; Попасти в тарапати – неожиданно оказаться в тяжёлом финансовом положении, без копейки денег, например, Дітковська на базарі сьогодні попала в такі тарапати!*).

В рамках семейного экономического дискурса можно анализировать и дискурс дневника семейных расходов, который часто ведётся (пишется) в семейном кругу, особенно в рамках ограниченного бюджета современной категории людей среднего класса (и ниже) с целью вербально-психологической мотивации произведённых и ожидаемых трат как необходимых, обязательных (*продукти питания, коммунальные услуги, средства гигиены, лекарства*) или желаемых, возможных, значимых для членов семьи (*ремонт квартир, образовательные услуги, режим отпуска, посещение салонов, секций, клубов* и т.д.). Такой дискурс содержит бытовую лексику в сокращённых разговорных конструкциях, имеет семантику ежедневности, повторяемости, регулярности, отсылку к прошедшему времени (в выводах о результате покупки) и будущему (в плане-перспективе с обсуждением перспективы *затянуть пояса* или *позволить себе большее*, с использованием номинаций в оппозиции *остаток, запас, сбережения*, укр. *заощаджені, відкладені кошти* vs. *долг, укр. борг*).

Дискурс дневника семейных расходов отражает не только особенности семейного дискурса, но и дискурс дневника в целом. В частности, дискурс дневника предпринимателя (в XIX в. – коммерсанта, торгового агента) имеет, по мнению исследователей, ряд устойчивых языковых черт: лексико-синтаксический репертуар бытовой речи с минимальными проявлениями экспрессии, особенное отношение автора к категории количества, стремление к абсолютной точности, демонстрация предпочтений в выборе записей событий – сообщение о служебной деятельности (закупка товара, оформление отчётности) превалируют над записями личного характера. Например, отношение к деньгам чётко озвучивается в записях дневника приказчика М. Т. Бобошко 1888 года рождения, жителя Полтавской губернии, который даже в кругу семьи, при встрече с дядей, выделяет как наиболее важные факты денежного характера: *Закончили подсчёты товара. Всего осталось на 154000 руб., торговали на 50000 руб., купили на 57800 руб., расходов всех 1600 руб, так что чистая прибыль выразилась в сумме*

6000 руб. Был после закрытия у дядя, отдал ему 4 руб. за мыло... И лишь с развитием событий 1917-1919 гг. исчезает коммуникативная ценность денежной категории – ведущее место финансового отчёта занимают уведомления о событиях гражданской войны и о средствах выживания, что особенно подчёркивается в антиномии восприятия предпринимателя *особенного ничего не случилось vs. деньги упали до невозможного: Особенного ничего не случилось, пока тихо; много солдат стоит, и ещё, говорят, много придет. Деньги упали до невозможного...* Мне выдали товаров по розничным ценам на 28900 р.: 5 ф. керосину, 5 кор. спичек, 1 лопату, 1 ф. очищенной соды, 2 п. 20 ф. соли; но это ерунда, главное хлеба нет [4, с. 301-309].

Минимальные дискурсивные составляющие (дискурсивные клаузы, по мнению А. Е. Кибрик, Т. Р. Ананко) и ключевые смыслоформы дискурса (дискурсивные доминанты, согласно А. А. Мурадян) содержатся в целом ряду специальных, профессионально-ориентированных типов экономического дискурса, вербализирующего феномен денежных отношений в его современном облике. Так, при помощи языковедческих методов описываются дискурсы отчётов о деятельности предприятий, дискурс переговоров, кооперативный / корпоративный дискурс, биржевый и др. (Л. В. Курчак, И. Р. Королёв, Е. В. Павлова).

Однако клаузы дискурса денежных отношений (как холистичного и универсального феномена) можно обнаружить не только в экономических, но в перспективе и во многих иных типах дискурса – образовательном, ритуализированном, конфликтном, предвзятом, религиозном и др. (Т. Ю. Махортова, А. А. Чершава, С. В. Чаус, Н. К. Кравченко, Е. О. Куш). Так, в критически-научном филологическом дискурсе исследователи отмечают языковой стандарт финального завершения текста с выводом рецензента о возможности присуждения автору значимой денежной премии как почётной и материальной награды за достижения в области инновационных научных разработок: *Я осмеливаюсь выразить надежду, что Академия наук найдёт справедливым наградить это сочинение Ломоносовской премией, как такой труд, который существенно обогащает науку* (Ф. Ф. Фортунатов с критическим «разбором» произведения проф. Императорского Варшавского ун-та Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» 1891-1895 гг.) [4, с. 13].

Корреляцию, пересечение предметно-понятийных и лексико-семантических сфер дискурсов денежного обращения и критично-научного филологического дискурса можно наблюдать и в текстах вступительных статей, написанных от имени редколлегии, издателей, рецензентов или авторов лексикографических изданий. Например, в предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля среди прочих сведений экстралингвистического характера читаем: *...Деньги на печатание первых девяти выпусков словаря (В. И. Даля) выделило «Общество любителей российской словесности», а затем «подоспели высочайшие дарованные средства» от самого государя императора... Подобного*

обширного собрания нет ни у какого другого народа в мире. (Именно поэтому, вследствие таких заслуг – О. Т.) Академия наук избрала Даля своим почётным членом, наградила Ломоносовской премией, а Географическое общество – золотой медалью [2, с. VI].

Дальнейшее исследование славянского языкового континуума позволит уточнить коррелятивный (если не холистичный) характер дискурса денежных отношений в широком кругу дискурсивных практик.

1. Бацевич, Ф. С. Мовна особистість у сімейному спілкуванні: лексико-семантичні виміри: монографія / Флорій Бацевич, Вікторія Чернуха. – Львів: ПАІС, 2014. – 182 с.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. / Владимир Иванович Даль. – Т. 1. А – З. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – XXVI, 1158 с.

3. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

4. Радзівська, Т. В. Дискурсивні простори: історико-лінгвістичний вимір: монографія / Т. В. Радзівська. – Київ: ДП «Інформаційно-аналітичне агентство», 2018. – 323 с.

РЕПОЗИТОРІЙ БІБЛІОТЕКИ